

[Архив](#) [Авторы](#)

- [№05 / 764 \(31.01.11\)](#)
- /Дмитрий Серков

Выбирайте выражения

/ [Общество и наука](#) / [Exclusive](#)

Специалисты по судебной лингвистической экспертизе умеют увидеть в слове не только смысл, но и статью Уголовного кодекса.

Члены гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), которой в феврале исполняется 10 лет, работают в состоянии перманентного цейтнота. Судебных дел, в которых слова играют роль *corpus delicti*, то есть содержат состав преступления, становится все больше. Такое впечатление, что россияне совсем перестали следить за тем, что и при каких обстоятельствах говорят и пишут. Статистика неумолима. В прошлом году специалисты гильдии провели около полутора сотен экспертиз, примерно четверть из них были назначены судами или следствием по делам, подпадающим под статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации о возбуждении межнациональной и межрелигиозной ненависти, приблизительно каждый пятый спорный текст поступил лингвистам для исследования в связи с исками о защите деловой репутации и незначительная часть текстов и высказываний — 5 процентов — были исследованы на предмет наличия в них клеветы (статья 129 УК РФ) и оскорбления (статья 130 УК РФ). «Количество запросов на проведение лингвистических экспертиз неизменно растет», — отмечает председатель гильдии доктор филологических наук, профессор

Михаил Горбаневский. В то же время не секрет, что и лингвистическая оценка способна становиться в не слишком чистых руках карающим мечом, будь то инакомыслие или спор хозяйствующих субъектов. Возможна ли золотая середина?

А судьи кто?

Не секрет, что в основу приговоров и решений суда часто ложатся результаты тех или иных экспертиз. Трассологическая экспертиза поможет установить, что именно этот автомобиль сбил пешехода. Баллистики безошибочно выяснят, из какого оружия был совершен роковой выстрел. В век информационных технологий и слово приравнивается к оружию. Но как определить, что именно это слово, «выпущенное» ответчиком, оскорбило, опорочило, испортило деловую репутацию, стало причиной многомиллионных убытков? В 2004 году в рамках судебного дела «Арьян против Киркорова» лингвистическое исследование по инициативе адвокатов звезды проводил профессор РАН, большой специалист в области русского мата. То ли у эксперта замылился глаз, то ли из-за других обстоятельств, но он заключил, что нецензурное слово, отлично рифмующееся со словом «звезда» и произнесенное певцом на знаменитой пресс-конференции, относится к категории «языковой игры» или «фонового мата». Это когда нецензурные выражения человек употребляет автоматически, например, уронив на ногу тяжелый предмет. «Слова, относящиеся к такому типу лексики, не являются оскорблением или основанием для привлечения к ответственности, — объясняет Михаил Горбаневский, — но в случае с певцом высказывание было явно адресным».

В судебной лингвистике есть свои методики, способные представить убедительные доказательства вины или невиновности. ГЛЭДИС объединила специалистов, которые еще 10 лет назад работали разрозненно. «Квалифицированные московские эксперты-языковеды, кандидаты и доктора филологических наук, представители академических институтов и ведущих вузов Москвы и других городов России объединились, чтобы обменяться знаниями и разработать единую методику для работы в интересах закона», — объясняет Михаил Горбаневский. Регламентируется лингвистическая экспертиза, как и прочая судебно-экспертная деятельность, нормами Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Пять лет назад лингвистическая экспертиза не входила в официальный перечень судебных экспертиз, однако в 2006 году была включена в их число с подачи Министерства юстиции. Заниматься этой деятельностью разрешено специалистам, имеющим российское гражданство и профильный диплом. «Но, как правило, судья не допускает непрофессионалов к процессу, — говорит Михаил Горбаневский, — зачастую их заключения рассыпаются под натиском опытных адвокатов». Действительно, бывало так, что к проведению экспертизы допускались случайные люди. «И делали это как бог на душу положит, — говорит адвокат Александр Молохов, — многие этим пользовались. И потому в экспертной деятельности давно следовало навести порядок».

Лишь в конце прошлого года пленум Верховного суда РФ принял постановление о проведении экспертизы по уголовным делам, в котором четко прописано, кто может осуществлять экспертизу и на каких условиях. В частности, сказано, что проводить экспертизу, в том числе и лингвистическую, не имеют права коммерческие организации, то есть ее нельзя заказать за деньги. Впрочем, не все зависит от толщины бумажника. Есть еще такая вещь, как профессиональная честь и законопослушность. Эксперты перед началом процесса дают подписку о том, что им известна статья 307 УК РФ — ответственность за заведомо ложное заключение. А честь либо есть, либо нет. Те, кто ее лишен, быстро оказываются не у дел.

Члены гильдии работают на Фемиду в основном по совместительству. В обычной жизни это ученые-русисты, преподаватели, практически все — доктора наук, которых правление гильдии собирает в специальную комиссию, когда требуется вынести заключение по тому или иному спорному вопросу. «В отличие, например, от почерковедов и дактилоскопистов у нас экспертизу выполняет не один человек, а как минимум трое, комиссия. Точность в таком случае существенно выше, — рассказывает профессор кафедры лексикографии и теории перевода факультета иностранных языков и регионоведения МГУ Юлий Бельчиков. — Мы имеем соответствующие свидетельства на право проведения экспертизы, выданные научно-методическим советом гильдии».

Сам процесс экспертной оценки, казалось бы, незамысловатый: на входе — тексты, слова, словосочетания, аудиозаписи и видеоматериалы (некоторые из них оперативные и не подлежат огласке), а на выходе — заключение комиссии за номером таким-то. Лингвистов можно смело называть толкователями текстов. «Наша задача — дать точный и объективный инструмент для вынесения справедливого вердикта, — говорит член правления ГЛЭДИС, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета РУДН Галина Трофимова. — У суда может быть недостаточно специальных знаний, чтобы разобраться в нюансах дела». Когда экспертизу надо сделать по тексту, то по времени работа может идти от одного до трех месяцев. Анализ лозунга или короткого SMS-сообщения займет дня два, если в предложениях нет ничего замысловатого. Главный инструмент лингвиста — коллекция словарей, насчитывающая около 600 изданий: от всех известных толковых словарей русского языка до справочников по молодежному жаргону, языку СМИ, иноязычной лексике, диалектизмам, географическим названиям и фамилиям, воровскому аргю, русскому мату и даже тем новомодным словечкам, которые только-только входят в нашу речь.

Не курдячь бокренка

Для лингвистов язык — это живая ткань, которая находится в постоянном развитии. Не секрет, что в русском языке даже интонация может играть ключевую роль. Можно нейтрально-положительно сказать: «Ну все, до свидания, желаю тебе здоровья». А можно, расставаясь после нехорошего разговора, произнести сквозь зубы: «Ну ладно, братан, до свидания, береги здоровье». И после этой фразы человек потеряет сон. Вот именно от того, как человек поймет то или иное высказывание, зависит и характер конфликтной ситуации. Например, человек полагает, что на него клеветают. Основная задача лингвистов в таком случае — определить, присутствует ли в высказывании или тексте негативная информация в отношении человека, обратившегося с иском в суд. Клевета, согласно методическим установкам гильдии, должна «характеризовать его отрицательно с точки зрения здравого смысла, прав, морали либо говорить о его противоправных и неправомерных действиях». Если это доказано, то дальше необходимо установить, в какой форме эта информация выражена: утверждения, мнения или оценочного суждения. По просьбе «Итогов» эксперты исследовали, может ли являться клеветой широко известная среди выпускников лингвистических вузов фраза «глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка». Фраза эта — изобретение академика Льва Щербы, который хотел с ее помощью показать, что в русском языке даже при использовании случайных морфем виден смысл выражения. На минуту представим, что эта самая «куздра» материализовалась и вчинила иск академику по поводу того, что он навел на нее напраслину и оклеветал. В таком случае часть лингвистического заключения выглядела бы следующим образом: «В этой фразе слова, которые носителями русского языка с очевидностью воспринимаются как унижающие честь и достоинство человека или как элементы оскорбительной лексики, имеющей неприличную форму, отсутствуют. Однако негативная информация, содержащаяся в данной фразе, положенной в основу исковых

претензий, выражена в форме утверждений о фактах, а значит, может быть верифицирована, то есть проверена на соответствие действительности. В случае, если проверка покажет, что насильственных действий в отношении «бокра» и «бокренка» совершено не было, тогда анализируемая фраза может быть признана ложным измышлением академика, порочащим истца — «куздру».

В реальной жизни больше всего вопросов возникает в связи с употреблением мата. Правда, в последние годы, как отмечают специалисты, ненормативная лексика настолько плотно вошла в употребление, что люди перестают на нее реагировать. И если вышеупомянутый фоновый мат по умолчанию не должен обидеть, то слова и выражения, имеющие зоосемантическое происхождение, например свинья, гнида, скотина, козел, ишак, обязательно будут носить оскорбительный характер. Так, недавно в отношении одного из провинциальных российских политиков в СМИ было использовано слово «мерин». По заключению экспертов, «это существительное имеет одно прямое значение — «кастрированный жеребец», и относится оно к нейтральной лексике, но это слово входит в состав фразеологических выражений разговорного характера с резко негативной оценкой, имеющей отношение к человеку, например «врет, как сивый мерин». Экспертиза признала это слово бранным и обращенным непосредственно к человеку. А это уже оскорбление.

Бывает, что человек обижается на сравнение с каким-нибудь одиозным историческим персонажем. По мнению лингвистов, Павлик Морозов однозначно ассоциируется с предательством, и если человека называли Павликом Морозовым, то фактически его называли предателем. Соответственно Гитлер — это синоним жестокости, Квазимодо — физического уродства, а Троцкий — вранья.

Однажды к лингвистам обратились представители арбитражного суда Тульской области с просьбой провести экспертизу рекламного объявления, размещенного в местной газете. В нем проскочило нецензурное слово. «Когда мы получили «рабочий материал», а именно скан газетной полосы, то увидели, в чем проблема. Оказывается, в слогане «Похудение без диет и запретов» в первом слове была пропущена буква «д», — вспоминает Михаил Горбаневский. — Управление Федеральной антимонопольной службы по области наложило на печатный орган штраф в 60 тысяч рублей, а газета в свою очередь подала иск на обжалование». Когда эксперты сели за работу, то в этой, казалось бы, очевидной ситуации стали вскрываться интересные детали. В заключении экспертизы содержится следующее: «В написании спорного слова можно выделить следующие морфемы: префикс «по», корень «ху», постфикс «ение». Элемент «ху» как самостоятельная корневая система в русском языке отсутствует. В контекстах русской брани в качестве деривата, образованного от какого-либо бранного слова, не зафиксирован. Написание не может рассматриваться в качестве бранного». Далее проводился сравнительный анализ с теми словами, которые все-таки есть в контекстах брани, и, по словам очевидцев, когда секретарь суда перепечатывала заключение, то с ее лица не сходило смущение. Но для экспертов это рабочий материал, который они называют «инвективной лексикой», не более того.

Хачики & москали

Эксперты с дотошностью изучают букву в формате слова, слово в формате предложения, а предложение в контексте. И вот когда все эти четыре «единства» дают результат, можно делать выводы. Хотя нет, на практике все гораздо сложнее. Скажем, сегодня, когда «несистемная оппозиция» становится реальной силой, протестные настроения то и дело выплескиваются в речь. По сравнению с 2009 годом в 2010-м руководством гильдии

отмечен 20-процентный рост количества лингвистических экспертиз, проводимых по статье 282 УК РФ. В делах, касающихся экстремизма, есть опасный «подводный камень». В статье 1 Федерального закона № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» содержатся определения того, что подразумевает закон под этим деянием. Но, по словам лингвистов, формулировки очень размыты. Вот лишь один характерный случай, произошедший в Санкт-Петербурге. В 2009 году группа молодых людей напала на двух выходцев с Кавказа и с криками «Бей черных, бей хачей, бей чурбанов!» избила их до полусмерти. Лингвистическая экспертиза, привлеченная к расследованию уголовного дела, вынесла вердикт, что подобный лозунг является не националистическим, а... «ироничным». Дело переквалифицировали. Составляющей, которая предусматривает разжигание национальной розни, следователи в нем не нашли. «У меня волосы на голове зашевелились, когда я узнал об этом случае, — вспоминает Михаил Горбаневский. — Эксперт обязан понимать главные обстоятельства нападения, в ходе которого звучали эти выкрики. Когда группа подростков до полусмерти избивает сверстников другой национальности под лозунгами «Бей хача!», о какой «иронии» может идти речь? Или здесь тоже нужно вмешиваться президенту и — как и в случае с убийством москвича Егора Свиридова — задавать силовикам нелицеприятные вопросы о чистоплотности действий следователя и эксперта?!» На прошлой неделе стало известно, что по этому делу решением районного суда назначена новая лингвистическая экспертиза.

Если абстрагироваться от злобы дня, то расхожее сегодня слово «хачик», кстати говоря, производное от распространенного армянского имени Хачатур (несущий крест), стало жаргонным не сразу. В советское время имя собственное превратилось в нарицательное, а лишь в перестроечную эпоху стало жаргонизмом. И уже в XXI веке это армянское имя вообще эволюционирует в слово с оскорбительным ассоциативным компонентом, под которым сегодня понимаются не только жители Армении, но и всего Кавказа, а также Средней Азии. «Это историко-этимологический нонсенс, — комментирует Горбаневский, — но что есть, то есть: слово «хачик» из жаргонной русской лексики ныне переходит в разряд лексики неприличной, оскорбительной». Для сравнения: украинское «москаль» еще каких-то лет десять назад воспринималось как нормальное обозначение жителя России. Сегодня многие вздрагивают, когда слышат это слово. Через такие лексические понятия четко ощущается градус напряженности в обществе.

На минном поле под названием «современный русский язык» в любой момент могут подорваться не только чиновники или политики, но и мы с вами, обычные граждане. Мало ли что не ляпнешь сгоряча. Эксперты ГЛЭДИС дают совет очень простой: выбирайте выражения.